

***В.А. Костенич** (г. Могилев, Беларусь)*

## **ЭТИКА СЛУЖЕНИЯ СМЫСЛУ И ЭСТЕТИКА ЦЕРКОВНОСТИ**

Метафора «блудного сына», в свое время «приватизированная» религиозным сознанием, является, на самом деле, имманентной человеческому бытию, как таковому. Человек – существо, вечно пребывающее в Пути. Парадоксаль-

но, при этом, лишь то, что человек не замечает некоторых фундаментальных особенностей данного Пути. Начиная с осознания «конечной цели-смысла». И, заканчивая блужданиями по катакомбам жизненных траекторий его мятущейся души.

Философия фиксирует сам факт неизбывного присутствия человека «на распутьях» его жизненных дорог. Стремится помочь человеку артикулировать экзистенциальные ориентиры смысложизненных поисков. Предостерегает от смещений в «не подлинность показного существования». Знакомит с многочисленными культурно-историческими «симулякрами» искусственных ценностей и святынь. Именно последние как раз и превращают человека в существо, «блуждающее в заблуждениях».

Фактически, то же самое, пытается делать и религиозная версия человеческого существования. В религиозной картине мира человек объявляется «замыслом Божьим». Его предназначение видится в том, чтобы на свой страх и риск, опираясь на личное прочтение символических знамений бытия; памятуя о «страшном суде» своей временности и смертности; претворяя своим существованием не столько самого себя, сколько «волю Того», кто призвал его к бытию! У человека нет собственной миссии! Его жизнь «посвящена Другому»! Необходимо жить и смиренно помнить о своей «ничтожности! Религия обращает человека к осмыслению сакральных значений сущего. Правда, при этом, как полагает Гегель, происходит незаметная абберация человеческого сознания. С точки зрения саморазвития Мирового Разума, религия призвана открыть для человека «идею Абсолютного». Однако в религиозном сознании данная идея трансформируется в «образ Бога» и поглощается им без остатка. Вместо интенции на Абсолютное, человеческое существование превращается в «погоню за Богом». Таким образом, по Гегелю «блудным сыном» бытия оказывается даже искренне верующий «религиозный человек», ибо он уклоняется в сторону от столбовой дороги Абсолютной Истины. Бог – один из синонимов абсолютного, но не Абсолютное во всей своей «беспримесности»! Сущность замещается одним из своих «образных проявлений». Откровение редуцируется к «почитанию». Вместо служения замыслу Смысла, перед нами всего лишь «служба принципу Начальствования»!

Неожиданным союзником Гегеля оказывается в этой связи такой видный протестантский теолог, как Карл Барт, утверждавший в одной из своих программных работ, буквально следующее: «Церковь – это более или менее всеобъемлющая и энергичная попытка очеловечить божественное, овременить, овеществить, обмирщить, сделать его чем-то практичным, и все это – на благо людей, которые не могут жить без Бога, но и не могут жить с живым Богом...»\* Иначе говоря, религиозное самоощущение всегда нуждается в «церковных декорациях»; в «земном приюте» для человеческой души; в аппроксимации «в повседневность» человеческого экзистирования к предельным горизонтам своего бытия. Все эти «прелюдии Смысла» становятся самоценными и самодостаточными «уделами» человеческих исканий Абсолютного. Смысл, как «событие встречи Ищущих», замещается «церковностью», как «местом встречи молящихся». Сакральное измерение бытия поглощается профанными ожиданиями благополучия и «ответной благодарности» Бога. Этика свободного и ответственного самоопределения (в том числе и «перед лицом Бога») трансформируется в эстетику литургических реверансов собственной религиозной кажимости. «Бог

умирает» в объятиях театрализованных песнопений и ритуальных камланий человеческих столпотворений. Даже веруя «нелицемерно и истово», человек служит «вере в Бога», а не Богу, самому по себе!

Все сказанное выше, отнюдь, не рукопашный бой с религиозным представлением о мире. У веры в Бога, своя, историческая, Правда и миссия. Но философия имеет право, покушаться на «миражи человеческого сознания» и пытаться развенчивать их наиболее сомнительные бытийные репрезентации. Как нам представляется, философии следует настойчиво акцентировать и подвергать своеобразной «сакрализации» в общественном мнении, иные мировоззренческие притязания на обладание высшими смыслами человеческого существования.

Во-первых, ищущему себя в перипетиях бытия человеку, следует помочь осознать, что именно ОН САМ и есть «ТОТ, КТО всегда у самого себя впереди». Только, по-видимости (т.е. в «заблуждении»), каждый из нас, однажды НАЧИНАЯ свой жизненный Путь, в дальнейшем, все время «удаляется вдаль» от этого «Начала», именуемого «мы сами»! На самом же деле, «на бесконечности» философской оптики восприятия бытия, мы всегда «у себя перед глазами». И даже Бог «хочет», чтобы мы «видели Себя» в перспективе любых наших «перемещений»! Только в этом случае, мы перестанем быть «блудными сынами» и для себя, и для Бога (если ОН, безусловно, «ЕСТЬ» для кого-то из нас!). И, во-вторых, для ищущего смыслы своего существования человека, КАЖДЫЙ ЭПИЗОД ЕГО ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТИЯ, ОТНЫНЕ И НАВСЕГДА, фундаментально (божественно) «событиен», т.е. выступает в качестве АБСОЛЮТНОГО ИСПЫТАНИЯ любых наших смысложизненных притязаний. Бог и Человек, должны мыслиться в качестве «параллельных геометрии Лобачевского», парадоксально пересекающихся и абсолютно совпадающих друг с другом в этой вечной «точке-событии» абсолютного испытания на Смысл.

### **Литература**

1. Барт К. Послание к Римлянам. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. – 315 с.